

Слово същика

АЛЕКСАНДР ЦЕХАНОВИЧ

СТРАШНОЕ ДЕЛО

Слово сыщика

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ц55

Серия «Слово сыщика»

Выпуск 7

Оформление обложки *Натальи Байдаковой*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Цеханович, Александр Николаевич

Ц55 **Страшное дело. Тайна угрюмого дома** : роман / Александр Цеханович. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 320 с. — (Слово сыщика).

ISBN 978-5-17-112412-0

Может ли тихоня-семьянин оказаться участником шайки грабителей, втайне от собственной жены и детей? Возможно ли использовать влюбленную красавицу для заметания следов? Роман «Страшное дело» повествует о грандиозной афере и непреодолимой власти над людьми ее организатора-гипнотизера.

А в романе «Тайна угрюмого дома» сходятся злодейство и добродетель, головоломные ухищрения мошенников и искусство аналитиков из русского сыска.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112412-0

© ООО «Издательство АСТ», 2019

СТРАШНОЕ ДЕЛО

Внезапный арест

Сегодня было как-то особенно тихо в воздухе. Вся дачная окрестность пестрела гуляющими. Слышался говор и веселый смех. Где-то вдалеке, словно в воскресный день, таякала гармонь и заливалась песней какая-то разудалая глотка, издали производя, впрочем, довольно приятное впечатление. С недалекой платформы железной дороги слышались звонки, свистки, шум колес, но это было только изредка, чаще же всего кругом царил тишина, нарушаемая только гармонией, песней и смехом молодежи, вразнобой раздающимся то тут, то там.

Достопримечательностью этого дачного местечка и до некоторой степени его историческим памятником была роскошная вилла графа Сламоты. Она стояла над довольно большим озером и издали была чрезвычайно живописна. Вокруг каменного корпуса изящной архитектуры кудрился старинный парк, сбегая по склону

к озеру и к полотну железной дороги; красивый контраст берез и сосен с их ажурными верхушками делал вид очень эффектным.

Сюда под вечер на большую дорогу, издали огибающую парк, выходили дачники совершать свои прогулки.

Одинокий старик-богач граф Сламота, однако, не был ни гордецом, ни нелюдимом, иногда парк его отворялся для гуляний, устраиваемых с благотворительной целью, и некоторые из наиболее почтенных дачников имели на все лето право входа в него.

Ближе к сламотовскому парку стояли лучшие дачи, а дальше, к полю, строения были все мизернее и наконец переходили в простые крестьянские лачуги, охотно, впрочем, занимаемые на лето неприхотливыми питерскими бедняками.

В одной из таких полудач-полуизбушек помещалось семейство молодого чиновника Краева, состоящее из него самого, жены, двух детей и девочки-прислужницы.

Краев всего три года назад окончил университет и всего два года находился на государственной службе, чая много в будущем, но зато питаясь почти одними надеждами в настоящем.

Татьяна Николаевна, жена Краева, белокурая голубоглазая дамочка в каком-то простеньком, но очень миловидном капотике сидела за чай-

ным столом, поставленным прямо в саду, за неимением балкона, и разливала чай.

Сереза, четырех лет, и Маня, трех, торчали на высоких плетеных детских стульях; между ними стояла девочка лет пятнадцати — розово-щекий деревенский подросток.

Павел Павлович Краев сидел напротив жены и задумчиво попыхивал папирсой, глядел куда-то в поле, расстилающееся сейчас же за дачей, и только изредка прихлебывал из остывшего стакана.

Дети лепетали между собою, Татьяна Николаевна облокотилась на край стола и, подперев голову, задумчиво глядела на профиль мужа.

Вечер был великолепный.

Ветки деревьев, справа и слева свесившиеся над столом, по неподвижности своей походили на сплошное изваяние с листьями.

В них было тоже что-то задумчивое, они тоже как будто мечтали о чем-то или дремали первой сладкой грезой.

— Так ты думаешь, мне сегодня же пойти на станцию и отдать? — спросил Краев у жены.

— Конечно, чем скорее, тем лучше. Мало ли что может случиться, ведь наконец это же не деньги, — кто потерял, тот, наверно, знает их номера. Жаль, что ты не отдал тотчас же на вокзале жандарму.

— Я хотел тебе показать свое счастье, ведь все равно треть мне причитается, а это целый капитал, тысяча с чем-то.

Но Татьяна Николаевна, вместо того чтобы выразить радость, как-то тяжело вздохнула.

— Не радуется что-то меня эта находка, — сказала она. — Ты не поверишь, когда ты принес сегодня этот бумажник, когда рассказал, как нашел его, мне словно в сердце что кольнуло. Ведь это несчастье другого.

— А, какие глупости! — махнул рукой Краев, но вдруг и сам почему-то нахмурился, и у него что-то неладно стало на душе.

«И в самом деле, Таня права, — думал он. — Таня, как и всякая женщина, верно судит, надо было отдать тотчас же жандарму, составить о находке протокол при свидетелях, и конечно, а я сунул в карман и, озираясь, как вор, прибежал домой с находкой».

И он начал припоминать, какие именно обстоятельства заставили его поступить так.

Хотелось ли ему поразить приятной неожиданностью Таню, или он просто пожадничал и сам не знал, что делает, озираясь и крадучись, как вор со своей находкой. Вышло же нехорошо.

Потерял, верно, кто-нибудь из здешних дачников, и, вероятно, бедняга мучается и терзается сегодня и будет терзаться всю ночь. Еще бы, пять тысяч акциями, ведь это целый капитал.

По проулочку между дачами раздались поспешные шаги нескольких человек. В тишине вечера они прозвучали как-то особенно отчетливо.

И странно, услышав их, Краев вздрогнул и оглянулся, вздрогнула и Татьяна Николаевна.

Но что это такое в самом деле?

Впереди идет жандарм, за ним пятеро местных крестьян-дачевладельцев и среди них неизвестный человек с окровавленным лицом и руками, в порванной одежде.

Все они идут прямо к даче Краева.

Вот подошли к калитке, отворили ее, вошли в садик, и жандарм, указывая на Краева, спросил у окровавленного и оборванного человека:

— Этот?

— Да, он! — сказал окровавленный человек.

Тогда жандарм громко спросил у Краева:

— Где деньги, которые вы украли?

— Деньги? Какие деньги? — бледнея и чуть не теряя сознания, пробормотал Краев. — Может быть, билеты, я их нашел. Да пустите мои руки, я вам сейчас их достану, они тут, в боковом кармане!

Жандарм сунул руку в карман и вытащил бумажник, который он, Краев, нашел в вагоне.

— Этот? — спросил он у окровавленного человека.

— Этот! — отвечал он.

— Ведите! — скомандовал жандарм, и Краева окружила толпа, заставляя идти куда-то.

Он слышал, как вскрикнула жена, как что-то упало со стола, как разом от испуга закричали дети, он хотел рвануться, кинуться к ним, узнать, что такое там случилось, но его подхватили под руки и повели еще быстрее. Кругом стала скопляться толпа, из каждой дачи к ней прибавлялось по два, по три человека, и наконец он оказался в центре говоривших о графе Сламоте и управляющем его Шилове, которым и оказался тот самый окровавленный человек, который указал на Краева как на вора.

Окровавленный человек

Старый холостяк, граф Сламота был один из тех людей, которые, несмотря на свою внушительную и представительную наружность, бывают иногда очень мягкого и легко поддающегося влиянию характера.

Старик имел строгий взгляд, горбатый нос и густые нависшие усы, но глаза его глядели добродушно и губы часто складывались в полудетскую улыбку.

Такие люди, как он, имеют еще особенность пристраживаться к той или другой личности из окружающих и совершенно незаметно для себя подпадать всецело под ее влияние.

Граф Виктор Казимирович вел жизнь уединенную и домоседскую. Когда-то в молодости он много путешествовал, много имел очень интересных и пикантных авантур, но одна из них, как рассказывали знавшие его, начавшись очень весело, окончилась для графа трагически.

Он неудачно влюбился и с тех пор возненавидел женщин до сумасшествия.

Гуляя, например, он готов был дать сколько угодно крюку, чтобы обойти шедшую ему навстречу женщину, в особенности если она была молода и красива.

Над этим чудачеством его, благодаря общему добродушию его характера, подшучивали

многие из дачниц, ставя его иногда в комически безвыходное положение.

Одна эксцентричная и очень красивая дама, например, преследовала его целое лето, как-то неожиданно набредя на случай к знакомству.

Старый джентльмен не мог отказать женщине в поклоне и вежливой улыбке, и она этим пользовалась, переходя к разговорам, от которых он никак не мог уклониться.

Делами Сламоты управлял на самых широких полномочиях некто Дмитрий Александрович Шилов, человек, про наружность и душевные качества которого стоит сказать несколько подробнее.

Это был сын старого товарища графа, прокутившегося, проигравшегося в карты и умершего где-то в уездном клубе от удара, вследствие проигрыша крупной, да кстати сказать, и не совсем чистой ставки.

Граф Сламота поддерживал сына приятеля в университете после того, как юноша явился к нему с просьбой о помощи и рассказал о судьбе отца, а потом, когда тот блестяще окончил курс, видя в молодом человеке необычайную, не по летам, солидность и деловитость, взял его к себе сперва секретарем и потом сделал и управляющим. Место у графа было настолько прочно и выгодно, что Шилов не поступил даже на ко-

ронную* службу, объявив старику, что с него довольно будет и сознания верной и полезной службы его сиятельству.

До начала нашего рассказа Шилов прослужил уже у графа семь лет и в это время сумел настолько изучить характер своего патрона и так всецело завладел им, что старик, сам того не замечая, очутился в руках у своего управляющего, как ребенок в руках у гувернера.

Шилов и действительно был один из редких типов.

Казалось, у этого человека не было никаких отличительных качеств, или они скрывались за какою-то каменной оболочкой замечательной красоты и оригинальности.

Теперь, когда Шилову было уже тридцать лет, он имел густую черную эспаньолку, густые черные усы, концами вверх, темные таинственные глаза под прямыми бровями, белый высокий лоб и длинный, тонко очерченный нос. Курчавые волосы его вились обыкновенно крупными, красивыми прядями, но дня за два до начала рассказа нашего он коротко остригся: как говорил, по поводу летней жары.

Теперь лицо его приняло уже окончательно дьявольское выражение, но в особенности по-

* То есть государственную службу в департаменте.

разительна была его улыбка, хищная и вместе с тем обольстительно прекрасная.

Шилов всегда говорил тихим, ровным голосом, как бы сдерживая силу своего густого грудного баса.

Да и во всем остальном, начиная с движений его и кончая поступками, виднелась та же скрытность, та же сдержанность, близко граничившая с таинственностью.

Когда он говорил, его нельзя было не слушать, когда он доказывал что-нибудь, нельзя было не соглашаться.

И граф всегда соглашался со всеми его предложениями, тем более что успел уже убедиться неоднократно, что советы Шилова были ему полезны и благотворно отзывались на дальнейших делах.

Он был скуп и, как всегда бывает при этом, недоверчив, так что Шилову приходилось потратить много уменья, прежде чем заслужить окончательное доверие своего патрона.

И он заслужил его в последние два года, и пользовался им довольно широко, что и будет видно из дальнейшего рассказа.

Утром, в день ареста чиновника Краева, Шилов, после долгой аудиенции у графа, должен был взять со счета в банке сто тысяч и перевести их, по его же собственному совету, в другой банк на большие проценты.

Выехал Шилов с утренним поездом, а возвратиться должен был с семичасовым вечерним.

В городе было много других дел по заводу графа, так что старик ожидал любимца и доверенного к вечерней закуске.

Сламота на даче вел деревенский образ жизни, то есть обедал в двенадцать и закусывал в 7—8 часов вечера.

Иметь в руках такую крупную сумму Шилову приходилось сегодня в первый раз.

Прощаясь утром с графом, перед отъездом в город, он имел какой-то особенно непроницаемый и внушительный вид.

Сламота даже полюбовался на своего управляющего — так много было в нем представительности и важности.

День был чудный, с утра началась такая жара, что Сламота, улыбаясь, сказал Шилову:

— Вы и тут, Дмитрий Александрович, предугадали?

— Насчет чего это, граф?

— А постриглись.

— Ах да... что жарко-то? Да, знаете, так легче. — И он провел рукой по голове.

— Так вам, кажется, еще больше идет, — заметил граф.

Шилов улыбнулся и, поклонившись своим обычным изящно-солидным поклоном, вышел.